

ским героическим эпосом, например «Песнью о Роланде». «...Будучи виновным в собственной гибели, в гибели и поражении всего своего отряда, Роланд тем не менее прекрасен как идеальный образец рыцарской чести и вассальной преданности своему сюзерену — Карлу Великому, — писала Е. Н. Купреянова. — Рыцарская доблесть и верность Карлу, любовь к „милрой Франции” и подымают Роланда (причем не вопреки, а благодаря его безрассудству и «неистовству») на пьедестал национального эпического героя. В летописном рассказе о поражении Игоря, как и в поэтическом „Слове” о его „полку”, все наоборот». Их авторы «отдают должное ратным подвигам Игоря, но в то же время оплакивают пагубные последствия для Руси его субъективно доблестного деяния. „Слово о полку Игореве” — не столько героическая поэма, сколько своего рода надгробное „слово”, плач о бессмысленной гибели русской ратной силы и общерусском бедствии, затем последовавшем».²¹

Следует заметить, что символический план содержания «Слова...», проанализированный, в частности, Н. С. Демковой, Б. М. Гаспаровым и И. П. Смирновым, только подтверждает сдержанную, а часто и прямо негативную оценку самостоятельной активности человека, переводя ее в религиозно-мифологический план. Так, например, по мнению И. П. Смирнова, самочинное решение Игоря выступить в поход (несмотря на зловещие предзнаменования) приравнивает Новгород-Северского князя к Адаму; оставление Русской земли соотносится с изгнанием Адама из рая; желание князя «испити» воды из Дона (т. е. осуществить личный героический подвиг) сопоставляется со вкушением Адамом запретного плода и т. д. «Поступок князя — грех, требующий искупления».²²

Мир «Слова...» — мир коллективный, где достоинства человека оцениваются не столько его личной доблестью, сколько той пользой, что он приносит, его значением для «русского мира». Нетрудно заметить при всех внешних различиях явную его близость основным началам ломоносовской поэзии — в обоих случаях на первый план выдвигаются единение, согласование с целым, со-причастность ему.

При этом, так же как и в случае с одическим пиитом XVIII столетия, принципом соединения оказывается не жесткий закон, а свободная Милость, Благодать. И это свойственно всему русскому Средневековью, не только раннему, но и позднему, XVI веку. Здесь, в частности, особый интерес представляет «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма. И в этом тексте, отделенном от «Слова...» несколькими веками, найдем ту же редукцию личного начала: Петр

²¹ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы Л., 1976 С 37

²² Смирнов И. П. О древнерусской культуре. С 47